

KHLOPOV Oleg Anatol'evich, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of World Politics and International Relations, Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Sq, Moscow, GSP-3, Russia, 125993; rgggu2007@rambler.ru)

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE ENERGY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Abstract. *The article analyzes the features and key tendencies in international relations that affect Russia's energy security. It notes that increasing competition as well as political, financial-economical sanction pressure on Russia from the West impede the implementation of the foreign policy tasks of Russia's energy policy. The author stresses that Russia should look for an adequate response to the new challenges of energy security through the development of international crisis management.*

Keywords: *Russia, energy security, oil/gas demand and production, sanctions, global energy security*

МОЗГОВАЯ Алла Викторовна – к. филос. н., ведущий научный сотрудник, и.о. заведующего сектором проблем риска и катастроф Института социологии РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; mozgovai@yandex.ru)

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИЙ НА ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТАХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (к 30-летию чернобыльской катастрофы)

Аннотация. *В статье анализируются данные исследований социальных последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Автор обосновывает положение об ограниченности концептуального подхода к социальной реабилитации пострадавших от радиационного воздействия, основанного на понимании ущерба от катастрофы как материальных и физических потерь. Рассматриваются социальные изменения качества и образа жизни «чернобыльцев», преодоление которых требует участия не только социальных институтов, но и гражданского общества.*

Ключевые слова: *социальная реабилитация, социальные последствия, образ жизни, риск, «чернобыльцы», социологическое обеспечение управления риском*

Экологические бедствия и техногенные катастрофы, к сожалению, стали отличительной чертой современности. Все более насущным становится и знание о социальных и социально-психологических последствиях таких событий. Результаты социологических исследований, безусловно, имеют значение для научного сообщества в плане расширения границ понимания фундаментальных закономерностей развития тех или иных социальных явлений и процессов. Однако нам представляется, что в современном российском обществе недостаточно востребована важнейшая социальная функция социологии – социальное инженерное, т.е. участие этой науки в разработке эффективных и гуманистически направленных управленческих решений, учитывающих социальную специфику тех или иных категорий населения в тот или иной временной период.

Попытаемся в рамках данной статьи показать возможности социологического

обеспечения управления процессами, имеющими место в посткатастрофный период в условиях повышенного риска радиационного воздействия. В частности, рассмотрим ряд социальных последствий аварии на Чернобыльской АЭС с целью обоснования положения о том, что проблемы, возникающие в период преодоления негативных последствий бедствий и катастроф, обусловлены факторами, корни которых лежат в ограниченности концептуального подхода к организации социальной помощи, в задержке процесса институционализации социальной работы, недостаточном развитии структур, характерных для гражданского общества.

Особенности качества жизни и социальная защита пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС

Еще в 70-х гг. прошлого века Аллен Бартон проанализировал социальные последствия ряда масштабных природных и техногенных катастроф (в т.ч. и бомбардировки Хиросимы) и обосновал ограниченность понимания ущерба от бедствий и катастроф только как материальных и физических потерь [Barton 1970]. Однако в мировой практике анализа и управления промышленными рисками вплоть до аварии на Чернобыльской АЭС преимущественно использовался технический подход, игнорировавший тот факт, что человека страшат не те или иные объективные обстоятельства, а связанные с ними субъективные представления об угрозах и масштабах вредного воздействия чрезвычайной ситуации, бедствия, катастрофы. Восприятие риска многомерно, крайне субъективно и во многом иррационально [Никитин, Феофанов 1992].

«Ощущение опасности» не менее важно, чем реальный риск. Индивидуальный и коллективный выбор основывается не только на оценке выигрыша и потерь, но и на субъективных ожиданиях» [Агацци 1998: 215]. Именно аварии на крупных промышленных объектах в Севезо, Бхопале [Shrivastava 1992] и особенно на Чернобыльской атомной электростанции убедительно показали, что обеспечить эффективное посткатастрофное восстановление (реабилитацию) различных категорий и групп пострадавших невозможно, если ущерб от этих событий понимается только исходя из технических параметров. Исследователи подчеркивают, что именно «Чернобыль поставил проблему сопоставления техногенных, биогенных и социогенных рисков» [Мимандусова, Привалов, Саенко 1999: 118]; государственные учреждения руководствуются объективными данными, вырабатывают административные оценки рисков, население же преимущественно находится под воздействием субъективных ощущений.

Первоначально программы преодоления последствий чернобыльской аварии строились на базе рекомендаций международной комиссии, определяющей риск радиационного воздействия как вероятность того, что у потенциально облученного индивида или его потомков появятся серьезные нарушения здоровья¹. Исследования психологов и социологов в нашей стране и особенно в пострадавшей от катастрофы Европе подтвердили, что психологическая природа негативного отношения к АЭС обусловлена чувствами боязни, страха как того, что реально случилось, так и того, что может произойти с объектом ядерной энергетики. Эти объекты воспринимаются большинством как постоянный источник риска для здоровья и самой жизни [Edwards 1994; Кроз, Липатов, Чинкина 1993; Головаха, Панина, Чурилов 1991].

Собственный многолетний опыт методологической и практической работы в области исследования и управления рисками позволяет утверждать, что социо-

¹ *Принципы радиационной защиты при удалении твердых радиоактивных отходов.* Публикация 46 МКРЗ (пер. с англ.). 1988.

логические мониторинговые исследования тех или иных контингентов пострадавших в процессе бедствия или катастрофы целесообразно рассматривать как одну из основных составляющих разработки эффективных управленческих решений, регулирующих процесс посткатастрофной социальной реабилитации.

Потребность в эмпирическом социологическом изучении риска обусловлена тем обстоятельством, что объяснение риска, а следовательно и контроль над ним невозможны без учета интересов, ценностей, особенностей жизненного уклада социальных субъектов.

При всем многообразии определений риска в рамках различных исследовательских направлений все, в т.ч. социологи, сходятся в том, что в содержание понятия «риск» входят три элемента: 1) нежелательные последствия некоторого действия или течения событий; 2) возможность (вероятность) наступления этих событий, а следовательно неопределенность ситуации; 3) контекст, в котором может осуществиться неопределенность, или факторы среды – контекста. Различия проявляются при уточнении природы риска, конкретизации «контекста», а также включении субъектов в определение риска или исключении из него посредством введения таких уточняющих содержание категорий, как выбор, решение, цель [Мозговая 2011].

О чернобыльской катастрофе сказано и написано много. Защитный механизм как индивидуального, так и общественного сознания, однако, стирает в общественной памяти целый ряд подробностей трагедии. Не забыть их только тем, кто на себе уже 30 лет испытывает невидимое, но жестокое действие радиации.

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 г. на Чернобыльской АЭС, расположенной вблизи села Копачи в 160 км к северо-востоку от Киева и в 15 км северо-западнее города Чернобыля Киевской области Украины, произошла крупнейшая в мировой истории развития ядерной энергетики авария. Более 135 тыс. человек, проживающих в радиусе 30 км от разрушенного реактора, были эвакуированы. На Украине в зоне радиационного контроля оказались 50 тыс. человек; в Белоруссии – 110 тыс. В России радиационному воздействию аварии подверглись 16 областей и одна автономная республика с почти трехмиллионным населением. Наиболее загрязненными признаны Брянская, Калужская, Тульская, Орловская обл. В Брянской обл. России от аварии пострадали 112 тыс. (!) человек, из которых 56 тыс. подверглись вынужденному переселению с привычных и обжитых территорий. Более 600 тыс. жителей бывшего Советского Союза принимали участие в ликвидации последствий аварии (их принято называть ликвидаторами). «После 1986 г. на территориях, подвергшихся радиационному воздействию, появился новый социум – “чернобыльцы”, с присущим только им одним образом жизни, поведением, ментальностью» [Григорьева, Листова 2012: 11]. «Чернобыльцы» за 30 лет накопили беспрецедентный коллективный опыт преодоления социально-культурной травмы.

До аварии на ЧАЭС в мировой практике не было опыта управления в такого рода и масштаба чрезвычайных условиях. Если естественные, природные катастрофы воспринимаются как находящиеся вне сферы предотвращения и контроля со стороны человека, то технологические аварии являются результатом выхода ситуации из-под контроля и управления, которые человек имел, которые казались незублемыми, но были утеряны. Чернобыльская катастрофа обострила важнейшую социальную проблему: а можно ли вообще доверять экспертам, персоналу атомных станций, представителям исполнительной власти, политическим партиям и лидерам? Иными словами, чернобыльская катастрофа явилась определенной материализацией абстрактных рассуждений об обществе риска. Социология (к сожалению, не отечественная) зафиксиро-

вала сдвиги в общественном сознании, характеризующиеся возникновением сомнения в соответствии технического прогресса естественным основаниям жизнедеятельности социума [Lidell, Perry 1990]. Возрос потенциал сомнения в осмысленности того пути прогресса, основной предпосылкой которого является вера в возможность технического совершенствования и дальнейшей оптимизации технических решений. В ряде стран (Германия, Швеция и др.) возникло движение массового протеста против деструктивного потенциала инструментального разума и возможной потери контроля над риском [Курочкина 2008].

Авария на Чернобыльской АЭС поставила многих людей перед необходимостью жить и работать в условиях повышенного риска. Изменилась непосредственная жизненная среда значительной части населения Центральной России. В структуру жизненных условий, с которыми человек взаимодействует постоянно, вторгся мощный негативный фактор – радиационная угроза, сильно подорвав защитную функцию жизненной среды территориальных общностей и целых регионов.

Репрезентативные эмпирические исследования самой разнообразной направленности в зараженных радиацией населенных пунктах, среди представителей контингента ликвидаторов и других спецконтингентов стали проводиться с 1992 г. Исследования в основном осуществлялись в рамках государственных (сначала – союзной, затем – республиканской) программ, финансируемых из госбюджета через Министерство по чрезвычайным ситуациям.

Работа с населением стала возможной после официального признания факта воздействия чернобыльской катастрофы на ряд территорий России. Здесь уместно напомнить, что жители большинства зараженных территорий о факте влияния аварии на ЧАЭС на их населенные пункты узнали спустя минимум 4 года. Более того, нам приходилось сталкиваться с ситуациями, когда в деревнях, например, Брянской обл., в наибольшей степени пострадавшей от чернобыльской катастрофы, респонденты, отобранные случайным способом, и в 1993 г. все еще не знали о том, что проживают на территории, подвергшейся воздействию радиации. Институт социологии РАН неоднократно включался как головная организация, а также как соисполнитель в научно-практические разработки, связанные с изучением социальных последствий чернобыльской аварии. Сектору социальных проблем риска и катастроф Института социологии РАН удалось создать базы социологических данных и оформить результаты аналитической работы по следующим исследованиям.

1. Серия экспертных опросов.

2. Опросы жителей и специальных контингентов (врачи, учителя, специалисты и др.) 6 российских областей, пострадавших от аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Опросы проводились по целевым выборкам, т.е. только в тех населенных пунктах, которые подверглись радиационному воздействию. Общее число опрошенных составило 937 взрослых и 690 подростков. Анализ производился отдельно для подростков и взрослых.

3. Репрезентативный опрос жителей Брянской обл. по многоступенчатой случайной выборке, в которую входили как пострадавшие, так и не пострадавшие от аварии населенные пункты. Были сформированы 29 бригад интервьюеров. Всего, кроме города Брянска, в выборку вошли 40 населенных пунктов городского типа и 83 – сельского. Общее число опрошенных составило 1 105 чел.

4. Несколько опросов чернобыльских спасателей – ликвидаторов: один – по общероссийской выборке (опрошены 604 чел.); три – в режиме мониторинга по 3 областям – Брянской, Владимирской, Московской (в среднем по 200 чел. в каждом регионе); по городу Москве. Все выборки случайные репрезентативные.

5. Трижды проводился контент-анализ прессы: в рамках программы «Дети Чернобыля»; отдельно по проблемам населения и ликвидаторов.

6. Анализ американского и японского опыта социальной реабилитации жертв атомных испытаний и бомбардировок.

По материалам опросов и анализа литературы был подготовлен ряд публикаций [Социальные последствия... 1992; Социальное самочувствие... 1992; Особенности социального поведения... 1993; Мозговая, Шлыкова 1994; Социальная и психологическая реабилитация... 1996; Мозговая 1998; Мозговая 1999].

Частично исследования финансировались МЧС СССР, затем – России, частично работа проводилась на собственные средства в рамках исследовательской тематики сектора. Довольно солидная база данных позволила отслеживать динамику развития тех или иных процессов по отношению к самым различным группам респондентов на протяжении ряда лет. Анализ показал, что авария на ЧАЭС имеет целый ряд социальных последствий различного уровня: для личности, общности, общества в целом.

В частности, исследования систематически показывали, что в затронутых влиянием аварии регионах наблюдается специфика в структуре жизненных ценностей респондентов. А именно, в ядре ценностной структуры неизменно оказывалось здоровье как наиболее значимый жизненный приоритет и социальная ценность. Среди наиболее значимых на момент опроса жизненных проблем подавляющее большинство опрошенных называли охрану здоровья людей. При этом оценки состояния здоровья и особенно динамики его изменения и у взрослых, и у подростков демонстрировали негативный эффект катастрофы.

Наблюдался устойчивый рост миграционных настроений респондентов. Фиксировались ухудшение внутрисемейных отношений, в особенности у чернобыльских спасателей (ликвидаторов); проблемы в сфере занятости; специфика характера планирования семьи – отказ от рождения ребенка при сохранении намерения иметь семью. Отмечался устойчиво высокий уровень оценок потенциальной опасности (рискованности) жизненной ситуации по ряду показателей наряду с крайне низкими оценками уровня социальной защищенности, что могло привести к росту пьянства, распространению наркомании и суицида, и зачастую приводило.

Все категории опрошенных на момент исследований демонстрировали полное разочарование в возможностях властной системы обеспечить социальную защиту и поддержку жертвам Чернобыля, что имеет одним из следствий рост агрессивности среди различных групп населения. Характерной чертой социально-политического сознания населения в районах, подвергшихся воздействию аварии на ЧАЭС, все в большей степени становилось чувство незащищенности, социальной изоляции, ощущение покинутости, ненужности обществу.

Полученные данные свидетельствуют также о том, что социальная организация общества все более и более воспринимается респондентами как ситуация, при которой решение жизненных проблем мало зависит от них самих.

Описанные выше факторы могут привести и зачастую приводят к социальной дезадаптации, потере доверия к социальной среде и ее способности выполнять функции контроля и управления. Это в свою очередь ведет к отчуждению от социального бытия, уходу в себя, в лучшем случае – в семью, «выпадению» из социального пространства.

Наиболее уязвимыми представляются группы ликвидаторов, в особенности те, кто значительно подорвал свое здоровье, а также переселенцы. Переселенцы – это жители зараженных территорий, на которых запрещено проживание и хозяйственная деятельность. На новых местах они сталкиваются с проблемами трудоустройства, обеспечения жильем, обучения детей, а также с проблемами психо-

логической и социокультурной адаптации на новом месте. Часть переселенцев, устав от неустроенности, отчаявшись, возвращаются в зараженные зоны.

Управленческий аспект посткатастрофного восстановления (реабилитации)

Как отмечают руководители МЧС РФ, анализируя опыт преодоления последствий аварии на ЧАЭС, правовые механизмы социальной защиты населения, пострадавшего от радиационного воздействия, стали формироваться без научной проработки или использования международного опыта. Многочисленные постановления и распоряжения по конкретным, узконаправленным проблемам ликвидации последствий аварии в той или иной степени затрагивали вопросы социальной защиты ликвидаторов и пострадавшего населения, но не исходили из единой концепции и поэтому были недостаточно эффективными и зачастую противоречивыми [Социальная и психологическая реабилитация... 1996: 26].

Элементы такой концепции впервые были изложены в принятом в мае 1991 г. Законе РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Концептуально закон строился на признании материального ущерба от означенной катастрофы, а вследствие этого основными мерами социальной реабилитации пострадавших считались компенсации и льготы.

Именно социологические мониторинговые исследования продемонстрировали ограниченность концепции социальной защиты, базирующейся на признании только материального и физического ущерба от катастрофы. Изменения в структуре жизненных ценностей, особенности миграционного поведения, проблемы в сфере занятости, внутрисемейные проблемы, социальная дезадаптация, отчуждение от социального бытия — все это социальные последствия катастрофы, социальный, психологический, духовный ущерб, реальный или субъективно воспринимаемый уровень которого не снижается посредством льгот и компенсаций.

Многолетние исследования последствий чернобыльской катастрофы позволили нам сформулировать следующее представление о концепции социальной реабилитации пострадавших.

Центральным положением представляется взаимная ответственность государства и граждан. Государство несет ответственность за разработку и реализацию таких социальных программ, которые исключают возможность развития иждивенческих установок у части граждан, способствуют развитию процессов самоорганизации и самоуправления на уровне территориальных поселенческих общностей, в рамках тех или иных категорий пострадавших, к примеру, ликвидаторов, переселенцев, «возвращенцев».

Система социальной реабилитации строится на базе широкого взаимодействия правительственных институтов с гражданскими движениями, общественными группами, неправительственными фондами и организациями.

Основная задача социальной реабилитации состоит в стабилизации высокого и повышении низкого качества жизни различных социальных слоев и групп населения, пострадавшего от катастрофы, с учетом конкретных социально-экономических и политических условий.

Посткатастрофное восстановление (реабилитация) территорий и поселенческих общностей, различных контингентов пострадавших представляет собой сложную систему социальной коммуникации. Успех реабилитации непосредственно зависит от наличия в обществе развитой структуры социальных институтов, осуществляющих социальную работу, а также от наличия и влияния социальных субъектов, составляющих основу гражданского общества, — неправительственных, некоммерческих форм самоорганизации на различных уровнях

социальной организации общества – от поселенческих общностей до регионов и федерации в целом. В США, например, различного рода услуги и пособия могут получать отдельные лица, семьи, общности, общественные и частные самоуправляющиеся организации.

Существующая в настоящее время в России практика социальной помощи все еще базируется на принципах тоталитарного, а не гражданского общества: фактически есть только один монопольный субъект, способный предоставить реальную помощь в кризисной ситуации, – государство. Вместе с тем становится все более очевидным, что такой субъект может регулировать только самые общие процессы посткатастрофного восстановления – выделить определенные средства на материальные компенсации и оговорить ряд льгот пострадавшим. Причем механизм реализации такой государственной помощи – целевое безадресное перечисление бюджетных средств в регионы, где эти средства зачастую растрачиваются совсем не на те цели, на которые выделялись.

Перечисленные выше социальные и социально-психологические последствия катастрофы, выявленные в ходе мониторинговых исследований, при таком концептуальном подходе к организации социальной помощи жертвам катастроф в принципе не могут стать объектом внимания общества, поскольку при таком подходе общество отождествляется с государством и его исполнительными структурами (армией чиновников). Такому моносубъекту никогда не дойти до регулирования процессов, которые фиксируют, в частности, социологические и социально-психологические исследования. Более того, это не его задача. Что оно действительно должно сделать, так это создать условия для развития гражданского общества внутри страны, стимулировать процессы самоорганизации и самоуправления, учитывающие специфику нашего общества, его социокультурную память и традиции. Внедрение социологического подхода к анализу социальных явлений в управленческую практику – необходимость, которая уже осознается, в частности, на уровне регионов. Профессионализация социальной работы на базе гуманитарного образования является одним из показателей такой осознанности.

Резюме.

Мы рассмотрели ряд социальных аспектов посткатастрофного восстановления. Представляется, что применение как методов эмпирической социологии (опрос, фокус-группы, инновационно-управленческие и проектные игры), так и социологического дискурса при анализе кризисных ситуаций и разработке путей выхода из них необходимо и возможно рассматривать как одну из важнейших форм научной поддержки управленческих решений.

Более того, повышение степени востребованности социально-инженерной функции социологии со стороны общества, на наш взгляд, внесло бы определенный вклад в преодоление отчужденности населения и властных структур, имеющей место в местах проживания населения с повышенным уровнем различных рисков [Зорина, Мозговая 2016]. Отчужденность большинства населения от процесса принятия решений есть одна из характерных черт неразвитого гражданского общества. Возможность или неспособность предотвратить угрозу техногенной катастрофы ассоциируется населением с деятельностью недоступной для него и развивающейся по своим собственным законам системы государственного или местного управления. Процессы самоопределения и саморегулирования в обществе развиты слабо.

Функции гражданских институтов, созданных в развитых демократических обществах средним классом, в нашей стране на протяжении более семи десятилетий присваивало себе тоталитарное государство, разрушив пусть несовер-

шенную, но действовавшую систему земского самоуправления, ликвидировав (и как субъективное понятие, и как объективную реальность) поселенческую общность, которая в развитых гражданских обществах является основой всей системы социальной помощи, в т.ч. и государственной. Гражданские движения, инициативы и организации слишком медленно становятся реальными и ответственными социальными акторами современной России.

В заключение отметим, что рефлексия опыта работы в области изучения последствий бедствий и катастроф, способов преодоления кризисов и выхода из чрезвычайных ситуаций убеждает нас, что социологический и социально-управленческий дискурс в этой сфере в конечном итоге должен базироваться на концепции устойчивого развития, основное содержание которой состоит в необходимости стремиться соотносить темпы роста и направления развития экономики с природными возможностями страны в целом и отдельных регионов в частности. В значительной степени именно игнорирование принципов устойчивого развития обуславливает неэффективное управление процессами, имеющими место в условиях бедствий и катастроф, а также в реабилитационный период.

Список литературы

Агацци Э. 1998. *Моральное измерение науки и техники* (пер. с англ. И. Борисовой, науч. ред. В.А. Лекторский). М.: Московский Философский фонд. 343 с.

Головаха Е.И., Панина Н.В., Чурилов Н.И. 1991. Общественное мнение о современном состоянии и перспективах развития атомной энергетики. — *Социс. Социологические исследования*. № 8. С. 51-55.

Григорьева Р.А., Листова Т.А. 2012. Среда обитания и население Чернобыльской зоны Брянской области. — *Социокультурные последствия Чернобыльской аварии. Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Вып. 230/231. М.: ИЭА РАН. С. 11-29.

Зорина А.Е., Мозговая А.В. 2016. Ответственность власти и населения в условиях риска: фактор доверия. — *Социологическая наука и социальная практика*. № 1(13). С. 71-92.

Кроз М.В., Липатов С.А., Чинкина О.В. 1993. Особенности восприятия риска радиационного воздействия специалистами и неспециалистами в области атомной энергетики. — *Вопросы психологии*. № 5. С. 59-66.

Курочкина А.Е. 2008. Рисковая коммуникация в области ядерной энергетики: опыт Великобритании, Швеции, Франции, России. — *Социологические координаты риска* (под ред. А.В. Мозговой). М.: Изд-во ИС РАН. С. 164-177.

Мимандусова Г.И., Привалов Ю.А., Саенко Ю.И. 1999. Социальный мониторинг постчернобыльской ситуации. — *Социс. Социологические исследования*. № 10. С. 114-120.

Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. 1994. *Качество жизни участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы*. М.: ИС РосАН. 77 с.

Мозговая А.В. 1998. Экологически устойчивое развитие и образ жизни: социологический подход. — *Россия: риски и опасности «переходного» общества*. М.: Изд-во ИС РАН. С. 60-84.

Мозговая А.В. 1999. Экологически устойчивый образ жизни: факторы становления. — *Социс. Социологические исследования*. № 8. С. 104-111.

Мозговая А.В. 2011. Измерение риска в социологии: методология, методы, результаты. — *Риск: исследования и социальная практика* (отв. ред. А.В. Мозговая). М.: ИС РАН. С. 40-59.

Никитин С.М., Феофанов К.А. 1992. Социологическая теория риска в поисках предмета. — *Социс. Социологические исследования*. № 10. С. 120-127.

Особенности социального поведения населения региона, пострадавшего от чернобыльской катастрофы. 1993. М.: ИС РосАН. 98 с.

Социальная и психологическая реабилитация пострадавших от чернобыльской катастрофы: опыт и перспективы. 1996. М.: ИС РосАН. 238 с.

Социальное самочувствие населения в условиях повышенного экологического риска. 1992. М.: ИС РосАН. 25 с.

Социальные последствия чернобыльской аварии. 1992. М.: ИС РосАН. 59 с.

Barton A.H. 1970. *Communities in Disaster: a Sociological Analysis of Collective Stress Situations.* Garden City, New York: Anchor Books Doubleday & Company, Inc. 352 p.

Edwards M. 1994. Living with the Monster: Chernobyl. — *National Geographic.* Vol. 186. P. 100-115.

Lidell M.K., Perry R.W. 1990. Effects of the Chernobyl Accident on Public Perceptions of Nuclear Plant Accident Risks. — *Risk Analysis.* Vol. 10. No 3. P. 393-399.

Shrivastava P. 1992. *Bhopal: Anatomy of a Crisis.* London: Paul Chapman Publishing Ltd. 169 p.

MOZGOVAYA Alla Viktorovna, *Cand.Sci.(Hist.), Leading Researcher, Acting Head of the Department for Risk and Disaster Problems, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35 bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; mozgovai@yandex.ru)*

SOCIAL RECOVERY AFTER DISASTERS AT NUCLEAR SITES: SOCIOLOGICAL SUPPORT OF DECISION-MAKING (30 years after Chernobyl)

Abstract. *Basing on the documents and scientific publications analysis, the author proves that the main part of disaster concepts in the field of decision-making treated damage only as material and health. Large scale accidents, for example in Bhopal (India), Sevezo (Spain) and Chernobyl (Russia) proved the ideas that social damage and social consequences for life style, values, world views of victims are even more important than the material impact. The author analyzes the data of sociological surveys concerning social problems of Chernobyl victims in the spheres of life values structure, migration orientations, family relations and children birth planning, business, education, social protection.*

As the result of previous analysis, the author presents and proves the main positions of social recovery concept starting from sociological monitoring data as the first stage of social processes managing, including mitigation of risk and disaster consequences.

Keywords: *social recovery, social consequences, life style, risk, Chernobyl victims, social support of decision-making*
